

ОТЕЦ ФЕОНА

МОНАХ-СЫЩИК

ПРИЗРАК БЕДЫ
НАВИС
НАД МОСКОВСКИМ
ЦАРСТВОМ...

ТЕНЬ ГОЛЕМА

АН АТОЛИЙ ЛЕОНОВ

Отец Феона. Монах-сыщик

Анатолий Леонов

Тень Голема

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов А. О.

Тень Голема / А. О. Леонов — «Эксмо», 2023 — (Отец Феона.
Монах-сыщик)

ISBN 978-5-04-185063-0

Скоропостижно скончался думный дьяк Петр Третьяков. Начальник Земского приказа просит знаменитого сыщика отца Феону помочь ему разобраться с оставшейся после Третьякова корреспонденцией. Феона начинает разбирать бумаги и находит тайную переписку думного дьяка с загадочным агентом. Этот агент планирует с помощью некоего Голема осуществить опасное предприятие, способное потрясти устои Московского царства. Прозорливый монах понимает, что Третьяков умер не своей смертью, а сам он теперь стал опасным свидетелем готовящегося заговора...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185063-0

© Леонов А. О., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

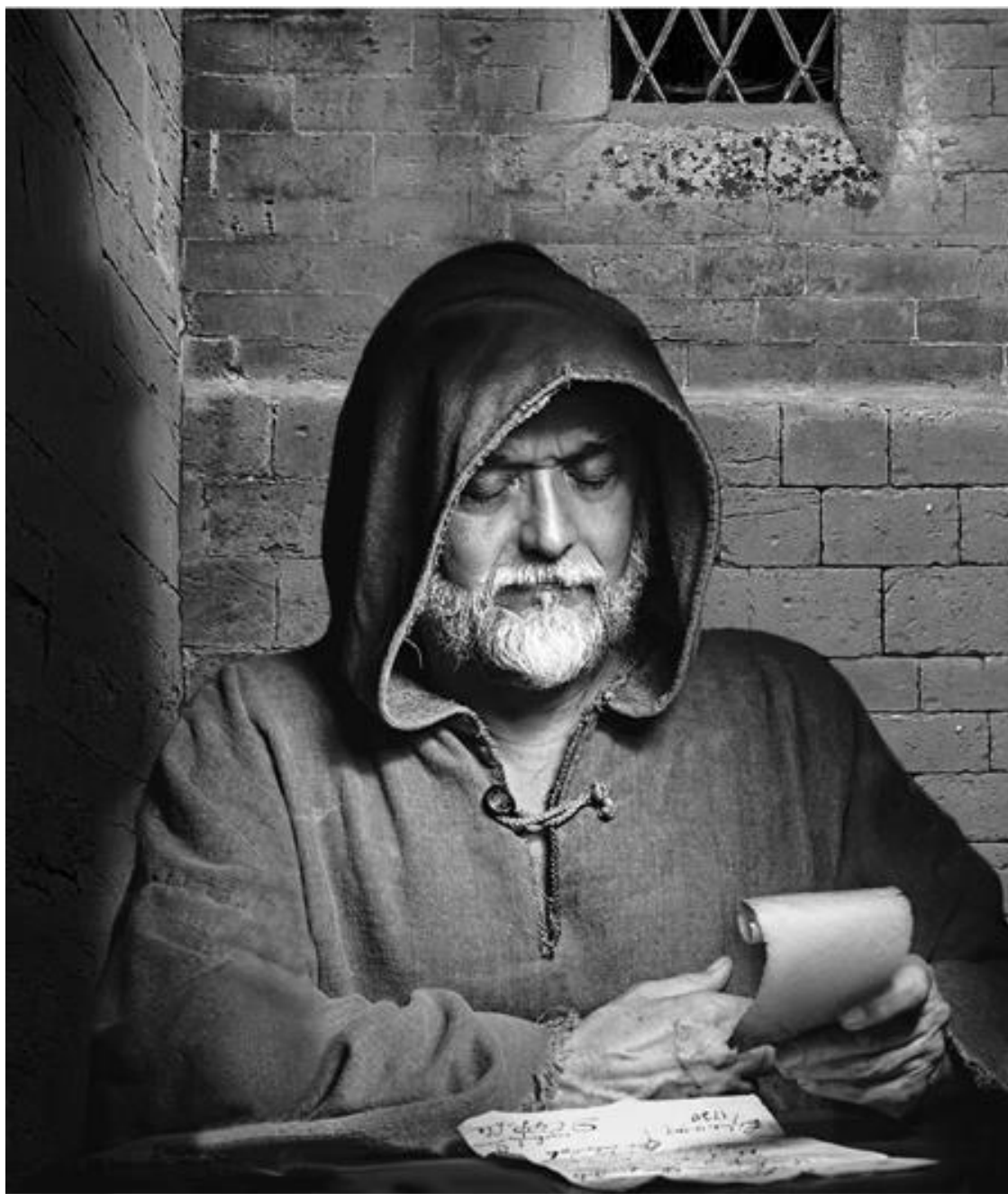
ОТЕЦ ФЕОНА МОНАХ-СЫЩИК

**Анатолий Леонов
Тень Голема. Книга четвертая.
«Великий магистерий Артура Ди»**

© Леонов А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть первая «Война»

Глава 1

За четыре года до событий, произошедших в предыдущей книге

В самом начале мая, в первый понедельник по окончании Дня святых жен-мироносиц, над Замоскворечьем с утра висела огромная свинцовая туча. Ближе к полудню непомерно разбухшая, словно бурдюк, переполненный водой, она уже накрывала собой Кремль с Китай-городом и половину Белого города в сторону Трубы, Тверской и Кисловки. Едва не вспарывая себя о крест колокольни Ивана Великого, туча грозилась порваться и залить землю потоками обильного весеннего проливня, раз в два года обязательно превращавшего московские улицы и переулки в полноводные реки, по которым ко всему привычные горожане передвигались исключительно на лодках и плотах, сколоченных из разоренного тына.

Казалось, очередной порухи городу не избежать, но к началу четвертой стражи, так и не расстаравшись ни каплей дождя, серая мгла рассеялась под мощным напором ветра, порывисто высветлившего небосвод до состояния горней лазури. Большая часть горожан, настороженно ожидавших урагана, облегченно выдохнула и с легкой душой оставила в прошлом свои несбывшиеся опасения, нисколько не задумываясь о тех, кого минувшее ненастье на короткое время заставило испытывать куда более сильные переживания, удерживая их на тонкой грани между надеждой и отчаянием. Для них все закончилось слишком быстро. Чудо не свершилось. Чаяние уступило место унынию.

На старом пустыре между Болотом и Царицыным лугом, окруженном дровяными складами и торговыми рядами с одной стороны и конской площадкой с кузницами с другой, стояли три просмоленных столба, плотно обложенных вязанками сухих дров. Тут же у подола лобного места стояло два клепаных сопца¹, стянутых черемуховыми обручами. В них зловеще поблескивала черная, маслянистая густá², горячая вода, заблаговременно доставленная специальным обозом из далекой Ухты.

Любознательный московский люд из Чертольских и Замоскворечных слобод и черных сотен в нетерпении толпился вокруг эшафота, ожидая загодя обещанное мрачное зрелище. Всем было любопытно! Что ни говори, а не часто на Руси сжигали преступников. Такое представление стоило посмотреть собственными глазами, чтобы потом не пожалеть об упущенной возможности.

Последний раз горел такой костер в Москве семь лет назад, когда в стельку пьяный польский пан Блинский ни с того ни с сего открыл пальбу по иконе Богородицы «у Сретенских ворот». Москвичи на расправу всегда были скоры. Отрубили они на плахе обе руки незадачливого шляхтича и прибили их к стене под образом святой Марии, а самого охальника сожгли в пепел на площади. Но то был папист и враг, совершивший преступление, а это свои, православные, чья вина была не понятна никому из собравшихся.

Впрочем, сегодня народу на Болотной было куда меньше ожидаемого. Очевидно, непогода распугала большую часть тех, кто собирался поглазеть на редкое зрелище. К моменту казни на площади остались только самые стойкие празднолюбцы и баклушники, терпения и свободного времени у которых всегда было с избытком.

---

¹ Бочка в 122 литра.

² Нефть.

Трескуче и зычно громыхнули полковые барабаны, толпа вздрогнула и замерла. Из распахнутых настежь ворот дровяного склада купца гостиной сотни Алмаза Иванова два стрельца в светло-серых кафтанах с малиновым подбоем полка стрелецкого головы Ерофея Полтева вывели троих приговоренных, связанных одной веревкой. Несчастные были в грязном исподнем и сильно избиты. Двое первых шли молча, шаркая босыми ногами по сухой земле, вдрызг разбитой колесами тяжело нагруженных телег. Они шли, не глядя по сторонам. Один был погружен в себя, второй безумен. Третий, самый молодой и тщедушный, с огромным багрово-сизым кровоподтеком под левым глазом, наоборот, затравленно озираясь, заискивающим взглядом побитого пса искал глазами добрые, сострадательные лица.

– Мужики, не надо бы... а? – тревожно лепетал он, с трудом шевеля разбитыми губами. – Грешно ведь! Нет за нами вины. Мы только книги церковные переписывали да старые ошибки справляли. Почто огнем казните, благоверные? Не по-людски! Помилосердствуйте... а?

Шедший следом за осужденными стрелецкий сотник Григорий Черемисинов больно ткнул говорившего тяжелой тростью между лопаток.

– Заткни пасть, вор! Еретикам с людьми разговаривать не положено.

Получив сильный удар палкой по спине, несчастный еще больше ссутулился, вобрав голову в плечи, и взглянул на собравшихся вокруг лобного места с невыразимой тоской и укоризной. Видя этот взгляд, люди в толпе смущенно покашливали в кулак и отводили взгляды в сторону. Сердобольные женщины сокрушенно покачивали головами. Мужики, досадливо хмурились, чесали затылки, сомневаясь в заслуженности столь сурового наказания для безобидных справщиков. Отсутствие справедливости на Руси всегда осознавалось людьми много острее, чем общественное неравенство. Когда справедливым судьей назывался не Бог, а некое кем-то сочиненное право, простого человека это не устраивало и побуждало сомневаться, если не в самом Законе, то в законниках.

– Что же их, сердешных, так и пожгут? – растерянно спросила стоявшего рядом соседа Ульянка, вдова тюремного сторожа Гришки Пантелеева, имевшая торговую лавку в живорыбном ряду у Замоскворецких ворот.

Сосед, певчий дьяк Благовещенского собора Иван Ищеин, потер влажные ладони и боязливо оглянулся по сторонам.

– Один Господь ведает, что было! – произнес он заговорщицким полусшепотом. – Вроде трудились переписчики с государева соизволения, под руководством просвещенного архимандрита Дионисия, а получилась ересь!

– Как так?

– Да не знаю я! То ли добавили чего лишнего, то ли, наоборот, выкинули что-то важное! За то и пострадали!

Ульянка зацокала языком, удивленно выпучив глаза на всезнающего певчего.

– По закону разве за книжки костром карать? Грех ведь!

Иван Ищеин невесело ухмыльнулся в жидкую бороденку.

– В народе как говорят? Не будь закона, не стало б и греха!

– Не знаете – не говорите! – влез в разговор пузатый, как венгерский хряк, гостиной сотни, овощного ряда торговый человек Евстафий Семенов.

Он окинул притихших собеседников презрительным взглядом.

– Третьего дня отец Еремей с Николы Чудотворца на Китае на проповеди сказывал, что хотели еретики огонь в государстве нашем извести!

– Весь? – в ужасе ахнула Ульянка.

– Знамо дело! – снисходительно улыбнулся Евстафий. – А так-то оно зачем?

– Так-то оно, конечно! – охотно согласилась Ульянка, кивнув головой, и благоразумно замолчала, вернув свой интерес происходящему на лобном месте.

Между тем осужденных книжников расторопные помощники палача уже привязали к позорным столбам прочным воровским узлом. Молодой подьячий Судного приказа, держа в руках развернутый столбец, гнусавым голосом зачитывал все провинности и окаянства приговоренных еретиков, нимало не заботясь тем обстоятельством, что его тихий голос едва ли был слышен дальше первых рядов людей, собравшихся на Болотной.

Напряженное предвкушение жуткой развязки, казалось, выпарило часть воздуха над площадью, сделав его густым и тягучим. Многим стало тяжело дышать. Были и те, кто падал в обморок. Младший из справщиков уже не молил о пощаде. Он стоял, прочно привязанный к столбу, и, закрыв глаза, беззвучно плакал. Слезы текли по его щекам и капали на отворот рваной, перепачканной грязью сорочки. Он больше не надеялся. Надежда вместе с последними силами оставила его у столба. Второй приговоренный, невысокий, крепкий мужчина лет сорока, видимо тронувшийся рассудком еще до дня казни, оказался счастливее своих товарищей. Он все время улыбался, с детским любопытством наблюдая за приготовлениями палачей, и мурлыкал под нос старинную колыбельную, заменяя давно забытые слова обычным мычанием.

И только третий из несчастных горемык, благообразный старик с тонкими, почти иконописными чертами лица, в этот трагический момент своей жизни сохранил ясность ума и твердость духа. Когда палач, проверив узлы веревки, стягивающей тело, издевательски спросил: «Не жмет?» – он, не удостоив ехидного ката даже взглядом презрения, бросил в толпу зычным, хорошо поставленным голосом:

– Православные! Ныне, стало быть, уходим мы с братьями к Свету! Молитесь за нас, грешных, ибо смертью огненной положено нам начало покаяния нашего!

Старик повернул голову к своим притихшим товарищам. Глаза его светились какой-то особой, не поддающейся описанию силой и уверенностью.

– Братья, Свет Христов вразумляет даже врагов! Не след нам бояться! Убивающий тело бессмертную душу погубить не в силах!

Сотник Черемисинов, морщась, словно кислую надкусил, тихим голосом распорядился, глядя палачу в глаза:

– Чего ждешь? Начинай!

– Так это... – развел руками палач. – Последнее слово вроде?

– Отступникам не полагается. Жги!

Дважды сотнику повторять не пришлось. Шустрые подручные ката-живореза без милосердия облили приговоренных нефтью, зачерпнутой из бочек, стоявших неподалеку от места казни. Старик замолчал, захлебнувшись на полуслове. Поток маслянистой черной жидкости накрыл его с головой. Следом на каждого из приговоренных, для верности, вылили еще по паре ведер «горючей воды». Теперь все было готово.

– Жги! – повторил Черемисинов, махнув тростью.

– Слава Богу за все! – успел еще выкрикнуть старик до того, как горящий факел, пущенный умелой рукой в самую середину облитой нефтью поленницы, заставил его замолчать навсегда. С громким хлопком нефть вспыхнула, обдав первые ряды зрителей обжигающим ветром. С ужасающим воем и грохотом пламя живых костров взметнулось под самые небеса. В этом шуме потонули вопли казненных и крики оробевших зевак. Впрочем, и то и другое скоро закончилось. Люди, устрешенные дьявольским зрелищем, молча наблюдали, как горят, потрескивая, три кострища, источая вокруг себя черную копоть и тошнотворный запах горелого человеческого мяса.

На Царицыном лугу, немного в стороне от Болота, окруженная челядью из числа светских и духовных захребетников и приживал, наблюдала за казнью мать царя Михаила Романова, Великая государыня инокиня Марфа Ивановна. Ее грубое, словно из сухого пня вырубленное лицо не выражало ровным счетом никаких сильных чувств или особых переживаний при виде

догорающих костров на месте казни. Очевидно, что расправа над безобидными переписчиками оставила ее равнодушной. Дождавшись, когда прогоревшие столбы рухнули в пылающие угли дровяных поленниц, она бросила строгий взгляд через плечо, внимательно осмотрев толпу приспешников. Увидев в первых рядах главу Приказа Большого дворца Бориса Михайловича Салтыкова, она резко спросила его:

– Борис, где твой брат?

– Не знаю, тетушка, я ему не нянька! – спесиво надув губы, ответил надменный царедворец, слегка обиженный вопросом, не относящимся лично к нему.

– Найти! Он мне нужен! – не обращая внимания на обиду племянника, сухо бросила инокиня Марфа и отвернулась, больше не произнося ни слова.

Суета за ее спиной говорила, что челядинцы восприняли ее распоряжение со всей расторопностью и проворством. Искали начальника Аптекарского приказа недолго, хорошо зная пристрастия и слабости младшего из Салтыковых. Время казни Михаил провел в трактире и теперь легкой рысцой семенил обратно, на ходу дожевывая знаменитую московскую кулебяку, которую в харчевых рядах на Балчуге пекли лучше всех в городе.

– Звала, матушка-государыня? Вот он я, тут! – усердно поклонился Салтыков широкой спине царской матери.

Инокиня Марфа бросила на Михаила косой взгляд и поманила к себе указательным пальцем.

– Видел? – кивнула она на костер.

– Ага! – осклабился царский кравчий. – Надеюсь, теперь, тетушка, ты довольна стала?

Марфа нахмурилась.

– Смеешься? Мальки попались, а большая рыба сквозь сеть проскользнула. Мне нужен главный смутьян. Хочу увидеть там архимандрита Дионисия Троицкого.

Она еще раз кивнула на лобное место, около которого уже почти не осталось зрителей, кроме служилых людей, следивших за тем, чтобы огонь вдруг не перекинулся на склады и лавки дровяного торгова. Михаил понимающе ухмыльнулся и развел руками:

– Дионисий сейчас любимец народа! Люди считают, что без его личного мужества и пастырского слова не сдержал бы Троицкий монастырь 16-месячную польскую осаду!

– Храбрость и людская милость не оправдывают ересь, а усугубляют ее! Игнатий Богоносец говорил, что если человек злым учением растлевает веру Божию, то пойдет тот человек в огонь неугасимый, равно как и тот, кто слушал его!

Инокиня Марфа цепкими пальцами схватила Салтыкова за подбородок и с силой притянула к себе.

– Ты, Мишка, не крути! Вся ересь правщиков началась с твоего попустительства, вот теперь сам и распутывай! Мне нужна голова Дионисия!

Марфа разжала пальцы, отпуская Салтыкова, и нарочито медленным шагом направилась к возкам местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Крутицкого Ионы, который, хоть и не должен был этого делать, вышел из саней навстречу царственной инокине. Марфа, подойдя к митрополиту и получив его благословение, тихим голосом проронила, глядя на морщинистую руку архипастыря, сжимавшую наперсный крест:

– Владыко, созывай церковный Собор!

– Сие можно! – ответил митрополит, едва заметно кивнув головой, и закрыл глаза.

Глава 2

Два месяца спустя, накануне праздника первоверховных апостолов Петра и Павла, через Сретенские ворота Белого города въезжала в Москву пустая подвода, запряженная лохматым желто-пегим битюгом. На широкой скрепе передка восседали два крепких монаха, оба с виду возрастом изрядно за сорок. Молодой стрелец из полка Никиты Бестужева, охранявшего Сретенские ворота, постукивая по бортам обушком своего бердыша, с подозрением заглянул внутрь телеги.

– Кто такие?

– Троице-Сергиевой обители чернецы Феона и Афанасий, – ответил за двоих седой как лунь монах с лицом, сильно посеченным саблей и картечью. – На Патриарший двор едем, – добавил он, упреждая вопрос охранника.

– На церковный Собор, значит? – сообразил бдительный стрелец и тут же спохватился: – А бумага есть? Без подорожной вас в Кремль не пустят.

– Есть бумага, служивый, – едва заметно улыбнулся в бороду второй монах и достал из походной сумы, висевшей у него на бедре, свиток с болтавшейся на бечевке черной сургучовой печатью.

– Не мне, – поспешно покачал головой стрелец, видимо скрывая свою малограмотность. – Ему давай, – показал он пальцем на подошедшего к ним стрелецкого урядника.

Усатый, как старый налим, начальник караула, опираясь на бесполезное и нелюбимое стрельцами копьё, с треском раскрыл свиток, встряхнув его одним движением руки. Быстро пробежав глазами подорожную, он молча протянул письмо обратно и, повернувшись к караулу, небрежно распорядился:

– Можно! Пущай едут.

Стрельцы за его спиной, преисполненные безразличия к происходящему, привычными движениями легко растащили устрашающего вида деревянные рогатки, освобождая проезд телеге.

– Отчего такие строгости, десятник? – спросил отец Феона, скручивая проезжую грамоту и убирая ее в поясную суму. – Нешто враг уже у ворот стоит?

Удивленный урядник только руками развел:

– Да вы чего, честные отцы, не ведаете, что творится? Королевуса Владислава под Можайском третий месяц едва сдерживаем, а тут еще гетман Сагайдачный со своими черкасами в спину ударил. На южных рубежах наших нет. Все на поляков ушли, вот он и куражится! Второго дня Ливны взял. Сегодня Елец! Так дальше пойдет – скоро здесь будет. Сторожиться надо!

Он огляделся вокруг и сердито шлепнул рыжего битюга по лохматому крупу.

– Некогда мне с вами лясы точить. Проезжай уже, не задерживай!

Смирный мерин, получив звонкий шлепок крепкой ладони, послушно тронулся вперед, грохоча железными подковами по деревянному настилу.

– Спаси Христос, служивый! – произнес отец Феона, чинно кивнув хмурому уряднику, и глубоко задумался, взглянув на знакомые очертания Сретенского монастыря, возникшие сразу за воротами Белого города.

Два года прошло, как покинул Москву, оставив государеву службу, бывший начальник Земского приказа и Приказа Большого прихода, воевода и царский стряпчий Григорий Федорович Образцов, а вместо него появился в Свято-Троицкой Сергиевой лавре новый инок Феона.

Тогда казалось, что время к тому было самое подходящее. Брань и смута, дотла разорившие и поставившие крепкое государство на край пропасти, собрав с народа извечно причитавшийся с него кровавый оброк, наконец канули в Лету. Беды и несчастья крамольных лет начали

забываться под бременем мирных забот. Война виделась делом далеким, бередящим душу, но не вселявшим былого ужаса, словно остывающий запах дыма от костра на месте некогда дотла спаленной избы. Люди полагали, что, если Мир за время смуты не сгорел в геенне огненной, не рухнул в преисподнюю, значит, у Господа к выжившим имелся счет иной, нежели к умершим! Это давало надежду!

Молодой царь, сознавая слабость не Богом, а людьми вверенного ему государства и шаткость своего положения, не желал до поры браниться с беспокойными соседями из-за утерянных страной территорий, предпочитая иметь на границах плохой мир, нежели добрую ссору. Казалось, ему это неплохо удавалось. Со шведами велись вполне успешные переговоры о вечном мире. Персия, Крым и Турция, связанные постоянными войнами и внутренними распрями, предпочитали в это время иметь в лице России доброго соседа. Голландцы не на шутку сцепились с англичанами за исключительное право считаться лучшими друзьями и торговыми партнерами «московитов», да и с прочими европейскими державами, с которыми Москва была в сношениях, продолжалось доброе согласие. И только с Речью Посполитой боевые столкновения не затихали и без объявленной войны. Лихие кавалерийские наезды на литовской границе, грабежи и опустошение с большим ожесточением охотно совершали обе стороны. Царь Михаил Романов, в государственных делах отличавшийся предельной осторожностью и исключительным благоразумием, не мог, а скорее не желал, проявлять их в отношении короля Сигизмунда III и его сына Владислава, считавшегося в Польше прямым соперником Михаила на московский престол.

Камнем преткновения здесь являлся Смоленск, захваченный Речью Посполитой еще во времена смуты. Смириться с этим русским людям казалось немислимым, но и ляхам, в свою очередь, всегда было что припомнить схизматам-москалям. Удивительно ли случилось, что в то время, когда царь велел служилому князю Михаилу Тинбаеву и воеводе Никите Лихареву с большим войском идти в Литовскую землю воевать города Сурож, Велиж и Витебск, сейм в Варшаве тогда же принял предложение короля открыть большую войну с Россией под предводительством королевского сына Владислава. Цель войны была очевидной: расширить владения Польши за счет Москвы, не дожидаясь возрождения ее былой мощи, а предлога искать им нужды не было. Владислав силою оружия должен был завоевать московский престол, на который потерял права после воцарения на нем Михаила Романова.

Впрочем, на сей раз большая война у поляков не задалась. Год они готовились к походу, а когда, наконец, выступили из Варшавы, войскам потребовалось еще полгода, чтобы добраться до первых пограничных русских городов. Несмотря на столь впечатляющую медлительность, на первых порах удача все же улыбалась им. Города Дорогобуж и Вязьма сдались без боя, похолоуiski встретив врага хлебом-солью, что вселило в поляков надежду на повторение триумфа Лжедмитрия I, сумевшего десятью годами ранее склонить на свою сторону подавляющее большинство русских войск. Однако времена изменились. И поляки, и русские были уже другими. Колесо фортуны, хотя и со скрипом, разворачивалось в противоположную от державы гордых Пястов сторону.

Следующие одиннадцать месяцев армия Владислава безуспешно штурмовала небольшой, но хорошо укрепленный Можайск, прикрывавший путь к Москве. Потерпев ряд болезненных поражений, потеряв ряд прославленных военачальников и в придачу всю артиллерию, поляки так и не взяли неприступную крепость. Знающие люди по обе стороны противостояния откровенно заявляли, что вся авантюра с походом скоро закончится заключением обычного в таких случаях перемирия, с бесславым уходом войск Владислава в Литву на зимние квартиры.

Так думал и отец Феона, в тиши своей кельи между молитвой и послушанием не переставший следить за событиями, происходящими за стенами монастыря. Но слова, сказанные только что у Сретенских ворот стрельцом урядником, серьезно встревожили его. Вступление в войну запорожцев гетмана Сагайдачного серьезно меняло расклад в этой войне. Вряд ли

русским войскам в сложившейся обстановке хватило бы сил и средств противостоять врагу, напавшему с двух сторон. Это значило только одно. Долгая битва за Можайск окончена. Началась новая – за Москву. В этом старый урядник был прав. Не прав он был в другом. Не гетмана Сагайдачного с его шайкой головорезов стоило ожидать под стенами города. Такое предприятие легкой и малочисленной казацкой кавалерии не по силам. Ждать следовало армию Владимира. Эта мысль весьма обеспокоила бывшего воеводу!

– О чем задумался, отец Феона? – вернул монаха в действительность бодрый голос отца Афанасия.

Феона вздрогнул, бросил рассеянный взгляд на ветхие дома и глухие заборы Казенной улицы и произнес, задумчиво подбирая нужные слова:

– Понимаешь, друг мой, два года меня здесь не было, а вернулся, и словно ничего не изменилось! Все то же самое, только хлопот прибавилось.

– Большой город – большие хлопоты! – беспечно пожал плечами Афанасий и, скосив глаза в какую-то точку между ушей рыжего битюга, вдруг изменился в лице. – Тпррру! Стой! Стой ты, анафема рыжая!

Он резко натянул поводья на себя с такой силой, что испуганный конь трусливо присел на задние ноги, с шумом испражнился под себя и остановился как вкопанный. Столь грубая остановка едва не скинула монахов с облучка. Феона, пытаясь удержаться, едва не вывихнул себе запястье, застряв между левым тяжом телеги и оглоблей, в то время как Афанасий, вырвав вожжи, сильно приложился лбом к лошадиному крупу, получив при этом хлесткий удар грязным хвостом, смахнувшим с головы его выдавшую виды скуфейку.

– Отец Афанасий, ты никак искалечить нас собрался? – удивился Феона, потирая ушибленную руку.

Вместо ответа Афанасий, вытирая рукавом испачканное лицо, кивнул куда-то в сторону передних копыт лошади. Отец Феона обернулся и увидел странную картину. На обочине дороги головой на проезжую часть лежал сильно избитый мужчина в синей поповской однорядке. Но не это было в нем самое странное. Избитыми попами на Москве удивить было сложно. В народе бытовало мнение, что ежели снять с головы священника скуфейку³, то он вроде как и не священник, а значит, лупи его, если заслужил, со всем своим удовольствием. Однако тот, что сейчас лежал под копытами рыжего мерина, удивлял другим. В рукава его однорядки была продета огромная упряжная оглобля от саней полторы сажени в длину и почти двух вершков в обхвате. Если бы Афанасий вовремя не заметил, то колеса телеги проехали бы как раз по голове бедняги. Что бы после этого с ним было, можно даже не гадать!

– Кто же тебя так, раб Божий?

Монахи поспешно освободили несчастного от его насильственной ноши и напоили родниковой водой из луженой жестяной баклаги, лежавшей на дне телеги, после чего случилось уж совсем странное. Избитый поднялся на ноги, оправил одежду, зло сверкнул на своих спасителей неприязненным взглядом, мрачно сплюнул себе под ноги и быстро исчез за ближайшим плетнем.

– Вот тебе раз! – изумился Афанасий. – А спаси Христос?

– Кхе-кхе... – послышался за спиной старческий смешок, более похожий на болезненный кашель.

У крайней избы на пересечении Казенной и Евпаловки, невзирая на жаркий полдень, сидел на завалинке древний дед в линялом собачьем малахае, козьем тулупе и стоптанных валенках с высокими голенищами.

– Не удивляйтесь, братья, – прошамкал он беззубым ртом, – то поп Ерофей из храма Харитона Исповедника. Уж больно святой отец до баб охотливый! Пылкий аки порох! Вот

---

³ Повседневный головной убор православного духовенства и монахов.

мужики его и пожучили, чтобы впредь о чужих женах помыслов блудливых в голове не держал. А вы куда собрались-то? – без всякого перехода спросил старик, внимательно вглядываясь в монахов.

– Да так, дедушка, по делам едем, прощай на добром слове! – ответил отец Афанасий, забираясь в телегу и распрямляя в руках вожжи.

Дед понимающе кивнул.

– И вам не чахнуть! Только на Ильинку не суйтесь, время потеряете. Там горшечный ряд весь рогатинами перегороден. Надо через Никольские ворота до Старого Земского приказа ехать. Да ты знаешь, – неожиданно произнес он с хитрым прищуром, взглянув на отца Феону.

– Знает тебя? – спросил Афанасий, щелкнув поводьями по лошадиному крупу. – А ну пошел, рыжий бес! – добавил он смиренному битюгу, неспешно тронувшемуся в путь.

Вместо ответа отец Феона, обратив отрешенный взгляд на приземистые избы Лубянской слободы, произнес, почесывая кончик носа:

– Как думаешь, отец Афанасий, отчего столь сурово казнят архимандрита нашего, Дионисия? Разве заслужил святой старец подобную к себе несправедливость от тех, кто еще недавно превозносил его до небес?

– Эх, отец Феона, – замотал лохматой головой Афанасий, – да если бы не иконом Александр, ничего вообще не было! Это он, ирод окаянный, со своим родичем Лаврентием Булатниковым напаскудил, точно знаю! Все наши беды от него!

– Булатниковы при дворе люди влиятельные, они царя закадычные приятели!

– То-то и оно! – раздраженно щелкнул поводьями Афанасий. – А Дионисий поймал их на подложных земельных купчих. Они деревеньки монастырские со всеми тяглецами и живностью как пустые дворы продавали, разницу между собой делили. Верно говорю, их рук дело! Для таких клевета что воздух!

Отец Феона пригладил рукой опрятную бороду и несогласно покачал головой:

– Нет, Афанасий, думаю, ошибаешься ты, одной мести отца-эконома, чтобы заварить такую кашу, недостаточно. За этим стоят люди более значительные и опасные. А вот кто они и зачем это делают, надеюсь, узнаем мы на Соборе?

Афанасий не стал возражать, только с сомнением пожал плечами. Больше они не разговаривали, молча наблюдая, казалось, никогда не прекращающуюся суету многолюдного Китай-города. Так благополучно миновали они печатный двор, Греческий и Спасский монастыри, но на подъезде к Казанскому собору и торговым рядам приключилось с ними еще одно странное происшествие. С Певчей улицы на полном ходу вылетела посольская карета, запряженная сцепленной цугом⁴ четверкой «свейских» рысаков. Карета стремительно неслась наперерез повозке монахов, и только в последний момент пучеглазый кучер, огрев длинным форейторским кнутом медлительного битюга, смог увернуть свой экипаж в сторону, лишь по касательной задев ступицами кованых колес борта монастырской телеги.

Телегу швырнуло в сторону, едва не опрокинув набок. Тяжелую карету тоже трянуло, но лишь едва. Из открытого окна выглянуло спесивое лицо иноземца в фиолетовом камзоле, прикрывавшего от поднятой пыли лицо кружевным платком.

– What the fucking hell!⁵ – недовольно произнес надменный господин, и карета, не останавливаясь, унесла его дальше в сторону Воскресенских ворот и Каменного моста на Неглинке. Но прежде чем карета успела завернуть за угол Казанского собора, крышка багажного рундука, прикрепленного на запятках экипажа, неожиданно отворилась, явив изумленным монахам голову самого настоящего африканского пигмея. Голова испуганно осмотрелась и мгновенно нырнула обратно.

---

⁴ Гуськом или в две-три пары одна за другой.

⁵ Что за чертовщина! (англ.)

Открыв рот, Афанасий поспешно сотворил крестное знамение.

– Ущипни меня, отец Феона! Уж не черта ли я сейчас видел?

Феона кивнул и охотно ущипнул приятеля за плечо.

– Ой! – воскликнул Афанасий. – Больно!

– Это не черт, – усмехнулся Феона. – Это мавр. Только очень маленький. Раньше я таких не видел! Интересно, зачем англичанин его прячет?

Глава 3

В проездные ворота государева двора, занимавшего в Кремле большую часть Боровицкого холма, тяжеловесной походкой отставного рейтара вошла мать царя, инокиня Марфа, сопровождаемая толпой наглых челядинцев и несгибаемых захребетников. Стрельцы стреляного полка, несшие службу по охране дворца, молча, с опаской сторонились, уступая дорогу беспокойной орде царской матери. Марфа при дворе не раз показывала свой крутой нрав, и лишней раз попасть под ее тяжелую длань желающие давно перевелись. С первого взгляда было ясно, что находилась царская мать в настроении отнюдь не благодушном. Хмурое лицо, низко опущенные брови и тревожно трепещущие, как у дозорной собаки, одутловатые щеки были тому прямым свидетельством.

Поднявшись на мраморные ступени Нарядного крыльца, Марфа обернулась и, величаво подняв руку, унизанную драгоценными перстнями, холодно произнесла:

– Тут ждите! Вам там не место!

Натасканная челядь замерла на пороге Теремного дворца, послушно склонившись в поясном поклоне. Марфа желчно ухмыльнулась.

Брякая на ходу серебряными подковками сафьяновых сапожек, она прошла в услужливо распахнутые перед ней двери и в несколько шагов миновала сени, охраняемые двумя десятками вооруженных стрельцов полка Ерофея Полтева, из предосторожности державших свои пищади на боевом взводе, отчего в сенях всегда стоял стойкий запах жженой пеньки от тлеющих ружейных фитилей. Сам же стрелецкий голова вместе с дюжиной ближних к царю царедворцев находился в передней, терпеливо ожидая выхода государя для ежедневного отчета и получения новых указаний.

Удостоив находившихся в приемной вельмож лишь легким кивком головы, мать царя стремительно приблизилась к резным дверям престольной, служившей Михаилу рабочим кабинетом. Тут, к ее неудовольствию, произошла маленькая заминка. Царский постельничий, Константин Михайлович Михайлов, широко раскинув руки, бросился наперерез, имея намерение задержать ее, но осекся, встретив тяжелый, как кистень, взгляд Марфы.

– Михайлов, не дури, ты меня знаешь!

– Государыня-матушка, Марфа Ивановна! – заныл постельничий, в нерешительности топчась у дверей. – Нельзя... не велено!

– Иди прочь, Костюшка, меня это не касается.

Михайлов, безвольно опустив руки по швам, послушно отступил в сторону.

– Ну? – добавила Марфа, сверля недобрый взглядом замешкавшихся стрельцов.

Опамятовав, те поспешно отворили тяжелые двухстворчатые двери, пропуская грозную инокиню в царскую престольную. Следом за ней двери с глухим стуком затворились, и в передней воцарилось неловкое молчание.

Михаил встретил мать, сидя за рабочим столом, с тонко отточенным гусиным пером в руках. Оторвавшись от чтения длинного столбца, извлеченного из серебряного ковчега, своими очертаниями напоминающего небольшой котелок на трех гнутых ножках, он с удивлением посмотрел на Марфу поверх читаемого им свитка.

– Матушка?

Сколь ни являлось его удивление искренним, Марфа распознала в нем растерянность и смущение, вызванные очевидной поспешностью, с которой государь занял свое место за рабочим столом. Даже столбец он держал к себе оборотной стороной, на которой кроме «скреп» думного дьяка на склейках листов иного текста не имелось.

– Ты один, Миша? – спросила Марфа, с подозрением озираясь по сторонам.

– Один, конечно! – ответил сын и суетливо поднялся с кресла навстречу матери.

Марфа перекрестила его склоненную голову, после чего троекратно поцеловала в обе щеки и крепко обняла.

– Не ждал меня, вижу? – насмешливо скривив губы, спросила инокиня, все еще осматривая престольную.

– Не ждал! – честно признался Михаил. – Что-то случилось?

– Поговорить хочу.

– О чем, матушка?

– О невесте твоей, Машке Хлоповой!

Расправив полы широкого летника, Марфа села в резное итальянское кресло напротив челобитного окна. Под ее весом крепкое кресло жалобно заскрипело. Михаил нахмурился и, скрестив руки на груди, присел на край письменного стола.

– Так! Ну и чем она теперь тебе не угодила?

– Да все тем же, Миша! Своенравна девка, заносчива. Почтения к старшим не проявляет! Подарками моими пренебрегает! Лишний раз на поклон сходить к свекровушке – ниже своего достоинства считает! Не должна государева невеста вести себя подобно! Грех в том великий вижу, и грех этот на каждом, кто потакает ей в скверне самовольства и непослушания.

– Да откуда слова такие жестокие, маменька? – болезненно поморщился Михаил. – Маша добрая девушка и к тебе испытывает почти дочернее чувство любви и трепета. Сам не раз от нее это слышал!

Марфа возмущенно закатила глаза и с силой ударила иноческим посохом об пол.

– Не лги матери! У меня свои глаза и уши имеются! Говорю тебе, истинно – не пара она нам! С тяжким бременем венца царского худародной не справиться. Откажись, пока не поздно!

Молодой царь недовольно скривил лицо и собрался было возразить, но прежде чем он успел это сделать, из опочивальни донесся подозрительный шум, словно что-то тяжелое упало на пол.

Марфа тревожно обернулась на звук и стремительно поднялась с кресла.

– Кто там у тебя?

– Говорю же, никого! – в смятении бросился Михаил наперерез матери, но было уже поздно.

Марфа распахнула дверь в спальню одним крепким ударом ладони и заглянула внутрь. Царская опочивальня представляла собой небольшую комнату, посередине которой стояла высокая резная кровать под роскошным балдахином. Стены и своды помещения были отделаны драгоценным атласом и тисненными цветными кожами. В спальне имелось всего три окна, с вставленными в них разноцветными слюдяными оконницами. Окна были приоткрыты, отчего сквозняк свободно гулял по комнате, развевая бархатный полог балдахина, который, видимо, и повалил на пол медный светец, теперь лежавший у основания кровати. Людей в комнате не было.

– Ну, убедилась? – обиженно засопел Михаил из-за спины матери.

Вместо ответа Марфа шумно повела чувствительным носом и, видимо, уловила нечто, заставившее ее раздраженно прикусить губу. Потемнев лицом и нахмутив брови, она пронзила сына колючим взглядом.

– Хочу напомнить, Мишенька, что пока отец томится в польском пленении, я отвечаю за твои помыслы и поступки!

Царь озадаченно почесал затылок и, не ища ссоры, ответил, тщательно подбирая надлежащие обстоятельству слова. Получилось, впрочем, все равно слишком резко и непривычно для него.

– Матушка, я почитаю твою самоотверженность и заботу обо мне, но я давно не подлеток!⁶ Я полновластный государь державы Российской и могу сам принимать решения там, где считаю это уместным для себя!

Неожиданно получив столь решительную отповедь, Марфа покраснела от гнева и досады, но, сдержав ярость, обернулась и пошла к выходу. Однако в дверях опочивальни задержалась на мгновение.

– Смотри, государь, может случиться так, что придется тебе выбирать между матерью и невестой. Подумай об этом! Хорошенько подумай!

– Что ты, матушка, я никоим образом не желаю такого выбора! – словно испугавшись собственной смелости, воскликнул Михаил, подбегая и целуя протянутую матерью руку.

Та в ответ только многозначительно хмыкнула и молча вышла из покоев царя, сердито постукивая по наборным доскам пола своим иноческим посохом.

Как только мать скрылась за дверью престоальной и тяжелые шаги ее затихли, Михаил вернулся в опочивальню и, осмотревшись, тихо позвал:

– Маша?

Ответом ему была тишина. Царь раздвинул шторы китайской ширмы, отделявшей спальню от молельни, и еще раз произнес с надеждой в голосе:

– Машенька!

Ответа не последовало и на этот раз. В крохотной молельне трудно было развернуться от обилия старинных икон и иных драгоценностей, без всякой разумной меры размещенных в комнатке размером не более сажени на сажень. Хранились здесь не имевшие цены в христианском мире святыни – камень с Голгофы, часть Маврийского дуба, хлеб Пресвятой Богородицы и Моисеев жезл. Был в молельне еще один секрет, который даже самый приметливый взгляд со стороны вряд ли замечал. Часть иконостаса представляла собой дверь, скрывавшую потайной ход на женскую половину дворца. На сей раз дверь оказалась распахнутой, глубокий мрак узкого перехода поглощал комнатный свет, оставляя в полосе видимости лишь пару первых ступеней лестницы. Ни звука, ни проблеска свечи. Одна всепоглощающая пустота.

– Ушла!

Михаил неторопливо затворил дверь тайного хода и с печальной улыбкой присел на откидную стасидию⁷. Ему вдруг привиделось далекое детство. Привиделось столь ясно, словно и не уходило оно ни в какое прошлое, а спокойно дожидалось внимания к себе где-то во дворце, в верхнем тереме, под косящатыми окнами⁸ с застекленными переплетами...

– Эх, маменька, не понять тебе нас!

Михаил грустно улыбнулся и, тяжело поднявшись, захромал в кабинет. Сегодня у него опять сильно разболелись ноги.

---

⁶ Ребенок подросткового возраста.

⁷ Кресло с откидным сиденьем и образующимся после откидывания небольшим местом для стояния.

⁸ Заполненное застекленным переплетом окно деревянного дома.

Глава 4

Ранним субботним утром, накануне Духова дня⁹, глава Московской торговой компании, известный негодант и отставной дипломат сэра Джон Мейрик, возведенный четыре года назад королем Яковом в рыцарское достоинство, принимал дома горячую ванну. Совершал он это изысканное мероприятие непосредственно в собственных покоях, для чего четверо слуг, больше похожих на крепких лондонских докеров, ни свет ни заря приволокли из подвала медный ушат внушительных размеров и наполнили его водой, кипяченной в кухне, находившейся, по существующему тогда правилу, все в том же подвале. Бега с ведрами вверх и вниз по крутой и узкой лестнице, слуги неустанно поминали сэра Джона и всех его близких самой затейливой бранью, которую даже обитатели лондонского дна легко могли посчитать непозволительным для их почтенной корпорации сквернословием. Впрочем, до ушей хозяина ругань прислуги не долетала, отчего пребывал он в состоянии чистого блаженства и в прямом, и в переносном смысле этого слова.

После ванны сэра Джон укутался в просторный шелковый баньян¹⁰, всего за один прошедший год триумфально покоривший сливки голландского, а за ним и английского общества. Нахлобучил на голову нечто громоздкое и пестрое, одновременно похожее на турецкий тюрбан и на старинный бургундский шаперон, и направился завтракать.

Стол для него был накрыт здесь же, в уютной опочивальне с чудесным видом на Хампстедскую пустошь, на противоположном краю которой виднелись пряничные строения деревни Хайгейт, не менее модной среди зажиточных лондонцев, чем Хампстед, в которой жил сам Мейрик. На Хампстед-Хит каждый уважающий себя джентльмен мог приятно провести время вдаль от городской скверны, создаваемой серой массой чумазых, плохо пахнущих людей. Здесь яркая зелень леса и пьянящий аромат луговых трав ублажали тонкие чувства благородных душ.

Как истинный англичанин, Мейрик свято чтит традиции и страстно любил природу. Мишурный парк с ровными, как боевые испанские терции, аллеями, аккуратно стриженными газонами и присыпанными желтым речным песком дорожками, уходящими за зеленые холмы, сэра Джона вполне устраивал. Но вот что его категорически не устраивало, так это традиционный английский завтрак. Ему, больше половины жизни проведшему вдаль от родины, невозможно было свыкнуться с кувшином горького эля, краюхой клейкого серого хлеба и миской рыхлого козьего сыра, подаваемыми к столу на завтрак и ужин.

Тут Мейрик смело ломал традиции. На завтрак у него был десяток яиц, купленных у местного фермера по два шиллинга за полсотни, четыре голубя по восемь пенсов за каждого и корзина больших устриц, обошедшаяся его экономке на Биллингсгейтском рыбном рынке в три шиллинга. Запивал сэра Джон сие изобилие яств густым канарским вином, приобретенным у торгового партнера из Испании по цене восемь шиллингов за галлон. Старый, прожженный коммерсант Мейрик деньги ценить умел. Лишних трат не допускал, но и на себе не экономил.

Завтрак подходил к концу, когда доверенный человек Криспин Хайд, исполнявший при Мейрике самые разнообразные, не всегда законные поручения, тихо вошел в спальню и, склонив в почтительном поклоне лохматую рыжую голову, сообщил, что в дом прибыл курьер из Вестминстерского дворца и ожидает хозяина в рабочем кабинете. Осушив бокал мальвазии и вытерев мокрые губы краем белоснежной скатерти, Мейрик неспешно встал из-за стола, рыгнул с наслаждением и степенной походкой сытого человека направился в кабинет, на ходу размышляя, чем ему может грозить внезапный визит посланника кабинета министров его королевского величества? Не был ли это практикуемый парламентом с некоторых пор «безмолвный

---

⁹ Праздник в честь Святого Духа. В католицизме празднуется на 50-й день после Пасхи.

¹⁰ Домашняя просторная одежда XVII–XVIII веков. Подражание японским кимоно.

арест», производимый за какие-либо прежние грехи на государственной службе, которая, разумеется, не была столь безупречной, как того требовали строгие правила?

Тревога оказались напрасной. Угрюмый лакей в красной ливрее Вестминстерской канцелярии передал депешу, на словах сообщив, что сэру Джону Мейрику, эсквайру, по получении послания незамедлительно предлагалось отправиться во дворец, где ему была назначена аудиенция у лорда-канцлера. Никаких других указаний, кроме тех, что передал посланник Вестминстера, в письме не содержалось, а все расспросы нелюдимого лакея упирались в упрямое:

– Я человек маленький, сэр! Мне ничего знать не положено!

Не добившись ничего вразумительного, Мейрик расписался в получении и отпустил курьера. Пройдясь по кабинету размеренным шагом, он бросил внимательный взгляд на настольные часы, недовольно покачал головой и велел Хайду через час закладывать карету в Лондон.

– Через час? – переспросил озадаченный слуга, слышавший слова курьера.

Мейрик смерил вопрошавшего холодным, как осенний лондонский дождь, взглядом.

– Вас что-то смущает, друг мой?

– Никак нет, сэр! – с обычной для себя учтивостью склонил голову понятливый Криспин Хайд и вышел из кабинета.

Оставшись один, Мейрик присел в кресло, стоявшее у большого камина, сложенного из дикого корнуэльского камня, и протянул ладони к весело потрескивающему в очаге дубовому полену. Мейрик был достаточно богат, чтобы позволить себе топить камин настоящим деревом, а не углем, раздражающий запах и дым от которого и без того висел над столицей сплошной пеленой. Впрочем, в суровые зимы, чтобы растопить очаг, многие лондонцы не имели даже угля, доставляемого из Ньюкасла. На огромный столичный полис его попросту не хватало. Именно поэтому горожане предпочитали свое свободное время проводить не дома, а в тавернах, где можно было не только сытно поесть, но и согреться.

Мейрик размышлял, зачем он вдруг понадобился лорду-канцлеру? Год назад он вернулся из далекой России, обласканный царем Михаилом, за посредничество в заключении Столбовского мира¹¹ одарившим его шубой со своего плеча, – милостью для иноземцев редчайшей и оттого особенно ценной! В очередной раз оказавшись на родной земле, Мейрик посчитал свою многолетнюю службу посланника английской короны завершенной и удалился от дипломатических дел, сосредоточившись исключительно на коммерции, которая давно уже требовала безотлагательного вмешательства.

Его торговля шла неплохо, но гораздо хуже, чем могла бы! Лучшие времена Московской торговой компании, президентом которой он являлся, остались в прошлом. Теперь англичан в России теснили уже не только вездесущие голландцы, но даже французы и немцы. Торговля шерстью с Испанией лично ему больших доходов не приносила. Нужны были новые предприятия. Поддавшись на резоны одного из своих агентов, Мейрик решил хорошо вложиться в экспедицию, отправляющуюся в дикую, неизведанную Гвинею. Это был риск, однако суливший неплохие барыши при успешном завершении. И тут неожиданный вызов в Вестминстер. Мейрик, как опытный дипломат, хорошо понимал, чем обычно заканчивались подобные аудиенции. Он чувствовал, что встреча в таверне на Чаринг-Кросс, о которой накануне попросил один влиятельный и весьма осведомленный компаньон, была связана с вызовом ко двору. Предугадывая события, он никуда не спешил. Излишняя торопливость никогда не числилась в перечне его недостатков.

Человека, с которым Мейрик намеревался встретиться по дороге к лорду-канцлеру, звали Томас Смайт. Личность во всех отношениях примечательная. Первый губернатор Ост-Индской

---

¹¹ Мирный договор, подписанный 27 февраля (9 марта) 1617 года и положивший конец Русско-шведской войне 1610–1617 годов.

и казначей Вирджинской торговых компаний. Один из главных комиссаров Королевского военно-морского флота. Член парламента от округа Сэндвич, возглавлявший вместе со сватом Робертом Ричем, 2-м графом Уориком, «придворную фракцию». Доверенный советник короля по всем важным вопросам судоходства и восточной торговли. Но главное, Томас был внуком сэра Эндрю Джадда, лорда-мэра Лондона и основателя Московской компании. По наследству от деда Смайта продолжил заниматься торговлей с Московией. Два года был послом английской короны при дворе Бориса Годунова, а недавно помог Мейрику при заключении Столбовского мира между Россией и Швецией. Москва, русский север и вожаделенный северный путь в Индию и Китай никогда не выходили из сферы интересов сего деятельного негоцианта и дипломата.

В Лондоне каждый портовый забулдыга был уверен, что если кому и суждено в ближайшее время открыть Северо-западные или Северо-восточные проходы в южные моря, то это обязательно будут экспедиции, снаряженные сэром Томасом Смайтом, не жалевшим на это ни своих сил, ни своих средств, которые, впрочем, как подозревали некоторые завистники, часто имели весьма сомнительное происхождение. А еще «старина Смайт» в силу своего положения и значимости в аристократическом обществе был посвящен во множество тайн и секретов королевского двора. Если он спешно приглашал на беседу, значит, тому были веские причины, и верхом неразумия было игнорировать подобное предложение.

Глава 5

Ровно через час, как и было сказано, карета покинула тихий Хампстед, где Мейрик снимал уютный двухэтажный дом. Жители Лондона вообще не стремились покупать жилье в собственность, предпочитая аренду, которую считали для себя более выгодной, а уж если появлялась возможность променять пропахший «заразительной» скверной город на здоровый воздух деревни, то полет бушующего воображения сдерживался исключительно финансовым благополучием. Цены на аренду хорошего дома составляли 50–60 фунтов. Более скромные – вполвину меньше. Но были особняки, цена которых далеко превышала среднюю стоимость обычного жилья.

Всего в паре миль от Хампстеда, в соседней деревушке Хайгейт, находился Горэмбери, роскошный дворец достопочтенного лорда-канцлера Фрэнсиса Бэкона, на встречу с которым сэр Джон вынужден был ехать в Лондон. Гостей в своем доме, как правило, не принимали. Даже хороших друзей на званый обед приглашали не к себе, а в одну из двенадцати тысяч городских таверн или кофеен. К тому же Мейрик не мог похвастаться какими-то особыми приятельскими отношениями с лордом-канцлером. Их встреча носила деловой, официальный характер, и поэтому отставному дипломату волей-неволей предстояла утомительная, далеко не самая приятная поездка в Вестминстер.

Человеку, не знакомому с реалиями столичной жизни, становилась очевидной неприязнь сельских жителей к столице уже на дальних подступах к городу. Просматривая отчеты своих торговых агентов из Испании и России, Мейрик в очередной раз с досадой уловил запахи, далекие от аромата цветов и луговых трав Хампстедской пустоши. Мейрик знал причину. Причиной был Лондон. Все обочины полумиллионного города были завалены нечистотами, убирать которые никто не спешил, несмотря на все усилия, предпринимаемые лордом-мэром и лондонской городской корпорацией. Согласно стойкому убеждению того времени, город всегда знал только два вида дорожного покрытия – сухую пыль и жидкую грязь.

Карета, покачиваясь на сыромятных бычьих ремнях, заменявших еще не изобретенные рессоры, стремительно катилась по бывшей Португальской, называемой теперь Пикадилли – по имени построенного на ней дворца Роберта Бэйкера, галантерейщика, разбогатевшего на продаже модных среди английской знати воротничков пикадилли. Пикадилли-холл еще стоял в строительных лесах, а улица уже носила его название. Новое время порождало удивительных «народных» героев, значимость которых измерялась не личной привлекательностью, а толщиной разбухшего на колониальной торговле кошелька.

Сразу за Пикадилли начинался шумный, переполненный людьми, повозками и лотками торговцев Хеймаркет, знаменитый Сенной рынок, занимавший целый квартал лондонского Вест-Энда. По сути, это был город в городе, с порядками, нередко вступающими в противоречие с королевскими эдиктами. Место весьма беспокойное, бойкое и злачное, уже четыре-ста лет известное как центр городской проституции. Шлюхи стоили дешево и пользовались спросом. Знающие люди поговаривали, что по Хеймаркету от Пикадилли до улицы Пэлл-Мэлл ежедневно работали десятки тысяч проституток обоюбого пола, и это при том, что содомия по-прежнему каралась в Англии смертной казнью.

На Чаринг-Кросс карета обогнула вросший в землю по самую перекладину трехсотлетний поклонный крест королевы Элеоноры и оказалась в гуще оживленно беседующих между собой людей, столпившихся у городского позорного столба, поставленного на небольшом участке земли между Стрендом и Кинг-стрит. На лице каждого из присутствующих читалось ликование и азарт, вызванный появлением со стороны переулка Святого Мартина приговоренного к экзекуции злоумышленника, сопровождаемого одним-единственным пузатым, как глостерский бор, констеблем из местной общины.

Кураж горожан был легко объясним. Правонарушения в Лондоне, подобно мошенничеству или торговле некачественным товаром, карались позорным столбом, но само наказание при этом было ограничено светлым временем суток. Поэтому горожане, для которых pillory¹² являла собой едва ли не единственный законный способ поквитаться с бессовестными пройдохами, наживавшими себе капиталы на душевной простоте и доверии народа, заблаговременно готовили тухлую рыбу, гнилые овощи, а то и просто камни, чтобы от души поквитаться с мошенниками, нисколько не задумываясь об их физических страданиях, ибо плут не достоин жалости!

Криспин Хайд, натянув поводья, остановил лошадей и деревянным кнутовищем кучерского бича постучал по крыше кареты. Мейрик выглянул из окна, невольно прищурившись от яркого света, ударившего в глаза.

– В чем дело?

– Узнаете прохвоста, сэр? – засмеялся Хайд, перекрикивая возбужденную толпу, и длинным концом бича указал на преступника, голову и руки которого в это время констебль под градом летящего в них мусора заковывал в деревянные колодки.

Мейрик бросил рассеянный взгляд в сторону происходившего на площади и с трудом узнал в грязном, испуганном оборванце Уильяма Шепарда – наглого торговца мясом с местного рынка. Десять дней назад этот лоточник, не будучи истинным джентльменом, наплевал на правила приличия и выставил свой товар прямо на улице, перегородив тем самым изрядную ее часть. По случайности карета Мейрика, проезжая мимо, сбросила в придорожную грязь два куска отборной говядины. В начавшейся перебранке Шепард, размахивая разделочным ножом, похожим на абордажный тесак, и примкнувшая к нему толпа остановили карету и потребовали возместить лавочнику нанесенный убыток, оценив его в невероятные 5 фунтов и 40 шиллингов – сумму, за которую легко можно было купить целое стадо коров с пастухом в придачу!

Криспин Хайд, будучи не самым покладистым малым в городе, мрачно озирая возбужденную публику, невольно потянулся к пистолетам, спрятанным в кучерском рундуке, но Мейрик – прожженный торговец и опытный дипломат – отважился на переговоры, которые блестяще завершил спустя полчаса, выплатив «пострадавшему» всего один шиллинг!

И вот толпа, яростно защищавшая попорченную честь и достоинство «честного» лавочника Уильяма Шепарда, спустя десять дней с пылким азартом уже готова была до смерти забить его у позорного столба за наглую продажу покупателям собачьего мяса под видом отборной баранины.

Поддавшись общему настроению, мстительный Криспин, свесившись с облучка кареты, вырвал из рук стоявшего поблизости босоногого мальчишки тухлую, источающую яростное зловоние ставриду и твердой рукой послал ее в голову провинившегося мясника. Слякотная рыба с чавкающим звуком врезалась в лоб осужденного, измазав лицо мерзкой жижей из гнилых кишок и полуразложившейся плоти. Ее куски под веселый хохот толпы разлетелись в разные стороны, едва не сбив фетровую шляпу с головы констебля. Полицейский невозмутимо отряхнул свой головной убор, благоразумно отодвинувшись от истязаемого, на которого, как по команде, посыпалось все, что можно было добросить, быстро превратив лицо в одно кровавое месиво.

– Поехали! – брезгливо поморщился Мейрик, услышав истошный вой лоточника, и, слегка коснувшись концом трости спины кучера, скрылся внутри кареты.

Криспин Хайд ловко щелкнул поводьями, и лошади, нервно всхрапывая, тронулись в путь, осторожно выбираясь на свободную часть улицы. На этот раз дорога заняла немного времени. Не проехав и ста ярдов, повозка миновала деревянный частокол Уайтхолла и остановилась у длинной коновязи, тянувшейся посередине Кинг-стрит почти до самых Дворцовых ворот.

---

¹² Экзекуция у позорного столба.

Вся правая сторона улицы была огорожена крашеным палисадом, за которым по праздникам проводились рыцарские ристалища, а левая сторона – плотно застроена приземистыми домами, каждый из которых представлял собой либо таверну, либо кофейню, с недавних пор заменившую лондонским джентльменам все другие места встреч, споров и обмена мнениями. Считалось, что чашечка кофе прекрасно справлялась с последствиями утреннего похмелья! Это обстоятельство быстро снискало ему любовь и уважение всего мужского населения Лондона, а вот женщины, напротив, относились к новомодному напитку с большим подозрением, полагая, что кофе лишал их душевного спокойствия и телесных сил.

Мейрик выбрался из кареты и, стуча тростью по мостовой, скрылся в проеме широко распахнутых дверей «Папской головы», считавшейся лучшей таверной на Кинг-стрит. Внутри соблазнительно пахло табаком, жареным мясом и можжевельником. Мейрик огляделся. Смайт сидел в дальнем углу большого зала, удобно разместившись на широкой лавке, обложенной маленькими бархатными подушками, и листал свежий номер «Меркурия»¹³.

– О чем сегодня пишут? – спросил у него Мейрик, бесшумно приблизившись.

Смайт – сухой благообразный старик шестидесяти лет – бросил на приятеля отстраненный взгляд, щелкнул пальцем по газете и бесстрастно прочитал:

– Прошлой ночью несколько лондонских джентльменов повстречались с тележкой чистильщиков выгребных ям, заполненной испражнениями, собранными со всей округи. Молодых джентльменов настолько оскорбило зловоние, от нее исходящее, что они, обнажив шпаги, закололи всех лошадей. Бедные животные скончались на месте, а чувствительные юноши сбежали и до сих пор не найдены...

– Ну что сказать? – улыбаясь, пожал плечами Мейрик. – Нельзя не отметить утонченное восприятие прекрасного и искренность благородных порывов наших молодых аристократов.

Не переставая улыбаться, он присел на лавку напротив Смайта.

– Здравствуйте, Томас!

– Добрый день, Джон! – кивнул Смайт, бросая газету на стол. – Полагаю, вы голодны? – добавил он, смерив Мейрика лукавым взглядом. – Подкрепитесь здесь. Во дворце вас будут ждать совсем другие угощения!

– Об этом тоже пишут в новостях? – делано удивился Мейрик.

Сэр Томас пропустил шутку приятеля мимо ушей.

– Потом! – махнул рукой старый джентльмен. – Отведайте, дорогой мой, здешний пирог с олениной. В «Папской голове» он божественен!

Несмотря на все уговоры, Мейрик вежливо отказался, сославшись на плотный завтрак. Вместо этого он взял себе ароматный турецкий кофе с сиропом из бузины и варенье из ревеня, ограничив этим свою трапезу. Смайт не стал настаивать на угощении дольше, чем того требовали правила приличия, и широким движением руки отодвинул на край стола деревянную миску с пирогом.

Сопя от удовольствия, он набил свою любимую трубку крепким вирджинским табаком, прикурил от свечи и пару раз глубоко затянулся. Вкус к табаку в Лондоне возник после вспышки чумы в 1603 году. Тогда от болезни умерло более 30 тысяч человек. Власти города в надежде отогнать заразу дали распоряжение всем жителям палить костры, распространяющие сильные запахи, и вне зависимости от пола и возраста курить трубки. Неизвестно, помог ли табак, но чума ушла, а вот вредная привычка прижилась. Казалось, что в Лондоне с тех пор остался только один некурящий – король Англии Яков, который вплоть до своей смерти писал трактаты против этой пагубной слабости своих подданных.

---

¹³ Претендент на звание первой английской газеты, оспариваемое некоторыми исследователями.

– Джон, – произнес наконец Смайт, пуская носом клубы сизого дыма, – его величество подписал указ о моем назначении губернатором островов Сомерса¹⁴.

– Вы писали мне об этом третьего дня!

– Вот как? И тем не менее! Завтра на «Принс Ройяле» я отплываю в Сент-Джордж с партией африканских рабов, купленных вирджинской компанией у бенинского¹⁵. У нас осталась последняя возможность поговорить без свидетелей.

– Я – весь внимание, дорогой друг! Полагаю, это касается моего неожиданного вызова в Вестминстер?

Вместо ответа Смайт в очередной раз окружил себя облаком табачного дыма и, глядя в распахнутое окно таверны, погрузился в долгое молчание.

– Что скажете о вашем сменщике, нашем новом посланнике в Московии? – спросил он наконец.

– О сэре Дадли Диггесе? Ничего, кроме того, что к 35 годам сей пылкий Приап¹⁶ умудрился обзавестись одиннадцатью законнорожденными детьми и бесчисленным количеством бастардов! А если серьезно, то весьма ловкий малый без способностей, но с большими связями. Думаю, посылать такого человека в Россию было ошибкой! Москва – не то место, где приобретают дипломатический вес.

– Как всегда, вы правы, мой любезный друг! – скривился Смайт в едкой ухмылке. – Он сбежал, даже не добравшись до места!

– Вы шутите?

– Нисколько!

Сэр Томас отрицательно покачал головой и нахмурил густые брови.

– То, что я сейчас скажу, должно остаться между нами!

– Разумеется!

– Диггес вез в Россию восемьдесят тысяч – деньги Ост-Индийской компании. Остальные двадцать царю давала Московская...

– Михаил просил двести! Я приехал в Лондон с его посланником Степаном Волинским...

Смайт пожал плечами:

– Король решил – с русских хватит и ста! Так вот, Диггес прибыл в Архангельск, но, узнав, что к Москве движется большая польская армия, погрузил посольство на суда и, стреляя из всех корабельных пушек, поспешно отбыл обратно, прихватив с собой все деньги. В результате фактор Фабиан Смит смог передать царю только 20 тысяч. Говорят, русские были в бешенстве!

– Представляю! Это же скандал!

– Нет, Джон, – это пока просто стыд! Скандал то, что случилось потом! По прибытии в Лондон сэр Дадли в приватной беседе со мной заявил, что имел при себе только 40 тысяч, которые и привез обратно!

– Невероятно! Полагаю, ведется следствие, а мерзавец сидит в Тауэре?

Смайт сердито выбил трубку о край стола и, смахнув горячий пепел на пол, мрачно посмотрел на Мейрика.

– Вот тут вы ошибаетесь, мой друг! Никакого следствия не будет. Я плыву на Бермуды, а сэр Дадли Диггес отбывает особым посланником в Голландию!

Мейрик выглядел совершенно обескураженным.

– Не верю собственным ушам! Чем вызвано столь необоснованное повышение?

---

¹⁴ Бермудские острова.

¹⁵ Король.

¹⁶ Древнегреческий бог плодородия. Изображался с чрезмерно развитым половым членом в состоянии вечной эрекции.

– Как знать? – Смайт скривил лицо в некоем подобии улыбки. – Но всю эту кашу расхлебывать вам!

– Почему мне?

– Потому что в Англии нет человека, знающего Россию лучше!

Смайт, не прикурив, положил свою трубку рядом с кisetом и раздраженно хлопнул ладонью по краю стола.

– Глупость или злой умысел? Разрушено то, что мы строили в России десятки лет!

Заметив устремленные на него удивленные взгляды джентльменов, сидящих за соседним столом, сэр Томас быстро взял себя в руки и уже внешне спокойно закончил:

– Разумное решение – послать вас в Москву спасти то, что спасти еще возможно. Однако не могу отделаться от мысли, что не все так просто, как кажется. Мой опыт подсказывает, что кто-то затеял опасную игру, ни смысла, ни цели которой мы не понимаем! Отныне будьте вдвойне осторожны. Не верьте никому! У вас не будет в Москве друзей и союзников, которым можно доверять. Ценой ошибки будет ваша голова, а мне бы, дорогой друг, меньше всего хотелось этого!

Глава 6

Преисполненный мрачного великолепия Вестминстерский дворец – пустынный в обеденный час – встретил Мейрика непобедимой болотной сыростью тысячи комнат и пронзительным сквозняком, насквозь продувающим три мили дворцовых коридоров! Почти бегом поднявшись по широкой и крутой Королевской лестнице, Мейрик отдышался у Нормандского портика и степенным шагом вошел в Зал Королевской мантии, служивший чем-то вроде приемной, заполненной канцелярскими клерками, чопорными ливрейными лакеями и суровыми аркебузирами, несшими круглосуточную охрану дворца. Один из стряпчих подошел к дипломату с вежливым вопросом о целях его визита в Вестминстер. Получив ответ, клерк со всем тщанием прочитал протянутую ему грамоту, после чего, сделав пометку в журнале, кивком головы позвал лакея. Лакей, в свою очередь, с низким поклоном распахнул двери Королевской галереи, пройдя через которую Мейрик оказался в восточном коридоре между палатой лордов и помещениями, занятыми личной канцелярией лорда-канцлера.

Немногословный сопровождающий коротко переговорил с пикинерами, охранявшими внутренние покои Бэкона, и вернулся к Мейрику слегка смущенным.

– Прошу прощения, сэр! Вам следует подождать. У достопочтенного лорда сейчас посол его величества короля Испании.

Мейрик бесстрастно пожал плечами:

– Не беспокойтесь, любезный, терпение – одно из главных качеств дипломата. Я сяду здесь. – Он указал на ряд резных лавок, обитых зеленой кожей, расположенных вдоль стен восточного коридора. – Вы можете быть свободны, любимец муз и мастер слова Майкл Дрейтон¹⁷ скрасит мое одиночество.

В ответ на недоуменный взгляд старый дипломат вытащил из поясной сумки томик модной в то время «топографической» поэмы Дрейтона с причудливым названием «Полиолиобийон». Лакей отстраненно улыбнулся шутке и, поклонившись, удалился прочь – беззвучный, словно один из многочисленных призраков Вестминстера.

Мейрик присел на скамейку напротив покоев лорда-канцлера, но вместо обещанного лакею чтения поэтических виршей погрузился в глубокое размышление. Злые языки, коих при дворе всегда с избытком, давно уже окрестили испанского посланника графа Гондомара самым влиятельным человеком в окружении английского короля. Вряд ли дело обстояло именно так, однако не вызывало сомнения, что опытный и умелый дипломат приобрел весьма большой вес при дворе короля Якова. Этому способствовало как личное обаяние посла, умевшего расположить к себе собеседников, так и его бездонный кошелек, коим охотно пользовались не только вечно нуждающиеся в деньгах английские лорды, но и сам король, расточительность которого никогда не знала границ.

Из частных бесед с близкими друзьями, осведомленными о положении дел в государстве, Мейрик знал, что граф Гондомар щедрыми посулами легко вкрался в доверие к королю и под видом дружеских бесед постоянно выведывал у того планы на будущее. Однако о чем не знал дон Диего, зато прекрасно были осведомлены влиятельные друзья Мейрика, собеседник испанского посла являлся натурой на редкость капризной, склонной к пошлomu надувательству, причем не ради исполнения каких-либо целей, а просто по прихоти несносного характера. После бесед с королем испанцу каждый раз приходилось ломать себе голову над тем, что из сказанного его коронованным приятелем было правдой, а что – лишь порождением причудливой фантазии, ибо король лгал и говорил правду легко, без всякой задней мысли.

---

¹⁷ Английский писатель и поэт Елизаветинской эпохи; земляк и приятель Уильяма Шекспира.

Спустя примерно четверть часа дон Диего Сармьенто де Акунья, 1-й граф Гондомар, покинул покои лорда-канцлера. Несмотря на давние торговые связи с Испанией, посланника Мадридского двора Мейрик видел впервые. Видимо, поэтому он с любопытством, граничащим с бестактностью, принялся рассматривать прославленного на родине идалго, где его почитали как победителя великого Фрэнсиса Дрейка в морских баталиях при Байоне и Виго. Пятидесятилетний испанский посол своим видом и повадками весьма походил на старого грифа-стервятника. Сухой, почти лысый, с пронзительными, никогда не моргающими черными глазами навывкате.

Взгляды дипломатов встретились. Не выдержав страсти неукротимого огня, пылавшего в глазах испанца, Мейрик встал со своей лавки и, потупив взор, учтиво поклонился блистательному графу. В ответ дон Диего недоуменно передернул плечами и, небрежным кивком ответив на приветствие незнакомца, размашистым шагом скрылся в дверях палаты лордов, весьма озадачив англичанина решительностью своего поведения в самом сердце чужой страны. Впрочем, долго пребывать в недоумении Мейрику не позволил доверенный секретарь лорда Бэкона, Эдвард Шербурн. Извинившись за нечаянную задержку аудиенции, он пригласил дипломата в покои своего хозяина.

Лорд-канцлер, хранитель Большой печати, пэр Англии и знаменитый философ – барон Веруламский и виконт Сент-Олбанский, сэра Фрэнсиса Бэкона встретил посетителя за рабочим столом кабинета. Последний раз они встречались десять лет назад, в далеком 1608 году, и был Бэкон в то время не всесильным лордом-канцлером, а скромным регистратором Звездной палаты. С тех пор многое в нем изменилось даже внешне. В январе исполнилось вельможе пятьдесят семь лет. Его волнистые каштановые волосы поредели и выпрямились. Их покрыла густая седина, поседел даже усы и борода. Лицо изрезали глубокие морщины, изрядно его состарившие. Стал он солиднее, полнее. Только светло-карие глаза оставались все такими же острыми и живыми, и виделось в них в одно и то же время сострадание и плохо скрытое презрение к собеседнику. Как согласовывались эти противоположные пароксизмы души в одном человеке – оставалось загадкой для большинства современников. Но если верить преподобному Иоанну Дамаскину, относящему сострадание к одному из четырех неудовольствий, то, может быть, в чувствах высокомерного чиновника и не было места противоречию?

Увидев входящего в кабинет Мейрика, Бэкон небрежно бросил в мраморную чернильницу остро отточенное гусиное перо и, отодвинув на край стола толстую рукопись, изобразил на лице приветливость, граничащую с самым сердечным радушием, которое, впрочем, несколько не обмануло прожженного дипломата.

– Милорд, – произнес он расстроенным голосом, – право слово, неловко отнимать у вас драгоценное время! Но мне было назначено!

– Знаю, – кивнул Бэкон и прихлопнул ладонью рукопись. – Вот уже несколько лет я тружусь над своим «Новым Органоном». Я продвигу для себя судьбу, сходную с судьбой Александра Великого! Нет, не обвиняйте меня в тщеславии, – воскликнул он в актерском упоении. – Я хочу сказать, что пока память о нем была свежа, его подвиги считались величайшими в истории. Но когда восхищение остыло, римский историк вынес трезвое суждение: «Александр Македонский осмелился бросить вызов мнимым истинам, и в этом его единственная заслуга». Что-то подобное будущие поколения скажут и обо мне. Этой книгой я бросаю вызов новым мнимым истинам. Помяните мое слово, любезный друг, это произведение в будущем прославит меня и прославит Англию!

– Счастлив слышать, милорд! Но, к сожалению, я не силен в философии!

В этом утверждении Мейрик ни единым словом не погрешил против истины, чем вызвал снисходительную улыбку на лице лорда-канцлера.

– Вам это и не надо, дорогой сэра Джон! Ваша сила не в этом!

– Интересно знать, в чем именно? – тихо проворчал дипломат, а вслух добавил: – Я ваш покорный слуга, достопочтенный лорд!

Высокомерная улыбка не сходила с лица лорда-канцлера. Он внимательно взглянул на собеседника и громко произнес в свойственной ему резонерской манере:

– В конечном счете, все мы – слуги его величества и должны быть счастливы обратить свои способности на службу королю! А король призывает вас на службу.

Мейрик понял, что началась самая важная часть разговора, ради которой его пригласили в Вестминстер.

– Я – шахматная фигура в августейших руках, – осторожно подбирая слова, вымолвил он, – и буду счастлив быть там, куда соблаговолит поставить меня его королевское величество!

Бэкон долго молчал, размышляя, и, как всегда, начал издалека.

– Слышал, вы изрядно вложились в организацию экспедиции в Гвинею?

Мейрик согласно кивнул, ожидая продолжения.

– Третьего дня граф Камберленд, ведущий судебную тяжбу со своей племянницей Анной Клиффорд, подарил мне юную рабыню из племени фулани. Девушка неземной красоты! Сэр Фрэнсис утверждает, что все племя таково! Я ценю хорошую коммерцию, но, полагаю, агенты компании способны справиться с поставленной задачей без вас? Король желает возвращения Джона Мейрика в Россию, дела в которой с момента вашего отъезда весьма расстроились. Кажется, вы не удивлены?

– Нет, милорд!

– Понятно! – Бэкон многозначительно хмыкнул в кулак и погладил седую бородку-эспаньолку. – Король не ставит вам сверхзадач, надо просто восстановить прежнее положение дел. Я писал его величеству, что основы выгодной торговли прежде всего в том, чтобы вывоз товара из королевства по стоимости превышал ввоз. В противном случае дефицит баланса будет покрываться оттоком из страны золота и серебра, чего допустить никак нельзя. Сейчас в Московии мы терпим убытки. В этой связи хочу задать вопрос, который волнует меня уже некоторое время.

– Слушаю, милорд!

– Так ли ценна для нас правящая династия? Не лучше ли обратить взор на конкурентов?

– Кого вы имеете в виду?

– Шведов, поляков...

Несмотря на крепкое самообладание и абсолютную сдержанность, услышав подобное, Мейрик не стерпел и яростно закачал головой:

– Ни в коем случае, достопочтенный лорд, этого нельзя делать!

– Почему?

– Потому, что шведов содержат чертовы голландцы. Нам они просто не по карману. И потом, шведы сами спят и видят себе хозяевами русского севера. А поляки? Те скорее договорятся с цесарцами или французами, чем с нами. Конечно, в теории определенные выгоды от таких союзов мы можем получить, но в перспективе все равно проиграем.

– Хорошо, любезный мой сэр Джон. Вы развеяли все сомнения.

Лорд-канцлер размеренным шагом прошелся по кабинету и остановился напротив собеседника, глядя в глаза с обычным для себя состраданием и презрением.

– Что еще? По прибытии в Москву вы должны потребовать от русских возврата ссуды в сто тысяч серебром, выделенных милостью его величества. Срок погашения истек, а королевство как никогда нуждается в средствах.

– Вы говорите – сто тысяч? – воскликнул изумленный дипломат.

– А в чем дело, – прищурился Бэкон, сверля собеседника колючим взглядом, – у вас имеются возражения на этот счет?

Мейрик до слез прикусил язык, понимая, что чуть было не проговорился.

– Нет, милорд, я лишь уточнил сумму! – произнес он смущенно.

– Я рад, что мы поняли друг друга, – удовлетворенно кивнул лорд-канцлер, продолжая: – Вы потребуете всю сумму, а если русские не смогут ее вернуть, предложите подтвердить особые привилегии, данные английским купцам 60 лет назад царем Иваном IV. Постарайтесь объяснить неприемлемость для нас особых привилегий Голландским штатам. Предложите открыть дорогу к Мангазее и торговые пути через сибирские реки. В общем, торгуйтесь! Не мне вас учить. Вы все поняли?

– Понял, милорд. Когда я отправляюсь?

Услышав этот, казалось бы, простой вопрос, Бэкон вдруг сморщился, как от зубной боли, и помрачнел. У Мейрика сложилось впечатление, что лорд-канцлер начал переживать очередной приступ меланхолии, которая время от времени охватывала его в самое неподходящее время. Впрочем, если это и был приступ, Бэкон справился с ним без лишнего напряжения сил.

– Тут есть определенные трудности. Вы же знаете, что вот уже месяц в королевстве продолжают празднества и увеселения по случаю бракосочетания дочери короля принцессы Элизабет с графом-палатином Рейнским и Пфальцским Фридрихом?

– Разумеется. Только как это касается моего дела?

Лицо Бэкона растянула гримаса, похожая на соболезнование

– Касается, сэр Джон, напрямую! На сегодняшний день истрачено уже 50 тысяч фунтов. Казна пуста. Даже его величество упал духом. Он готов отправить часть свиты своего зятя домой, в Германию, но, увы, для королевских судов нельзя найти матросов! Ждите. Думаю, месяца через два и до вас дойдет очередь...

После ухода Мейрика Бэкон некоторое время пребывал в состоянии легкой досады и хмурой задумчивости, из которой его вывел Эдвард Шербурн, тихо вошедший в кабинет. Осмотревшись по сторонам, он осторожно, понизив голос до полусшепота, спросил у своего патрона:

– Вы открыли ему все карты, милорд?

Бэкон удивленно посмотрел на секретаря, точно видел его впервые.

– Не будьте наивным, мой милый, и никогда не кладите все яйца в одну корзину. В игре, затеянной нами, у каждого – своя роль! Маленький дипломат знает только то, что положено! Выше ему не подняться.

Лорд-канцлер взял еще не знавший бритвы, гладкий подбородок юноши в свою ладонь и с силой подтянул поближе к своему лицу.

– Запомни, мальчик, люди, подобные нам, являют собой истинную славу человеческого рода. В нашей власти развитие его разума и направления в нужную нам сторону. На этом пути нет непреодолимых препятствий, просто он ведет туда, где еще не ступала нога человека. Этот путь немного пугает нас неизвестностью, но мы должны решиться. Не сделать попытки – страшнее, чем потерпеть неудачу!

Бэкон отпустил растерявшегося от его напора Шербурна. Подойдя к столу, он взял перо, размашисто написал несколько строк на листе гербовой бумаги и передал молодому человеку.

– Завтра вызовешь ко мне наших новых друзей для получения инструкций. И пусть на этот раз обойдутся без своего шутовства. Как истинный ученый, я ненавижу шарлатанов, изображающих из себя библейских саддукеев¹⁸, наделенных знаниями древних. Пусть приберегут это для русского царя.

---

¹⁸ Представители одной из трех древнееврейских религиозно-философских школ.

Глава 7

К началу второй стражи¹⁹ в Кремле на Патриаршем дворе от лиц духовного звания было не протолкнуться. Суетливо сновали по двору алтарники²⁰ и рясофоры²¹. Собравшись небольшими группами, степенно вели между собой беседы иереи рангом постарше. В окружении свиты, величаво, не глядя по сторонам, шествовали в патриаршие покои пресвитеры и архиереи, наделенные высшей духовной властью в государстве.

Ворота, лязгая железными засовами, с пронзительным скрипом распахнулись настежь, ударившись тяжелыми створками о мощные опорные столбы. Два дворцовых охранника, вооруженных короткими бердышами, завели во двор полудохлую клячу, едва перебиравшую сточенными от старости копытами. На худом лошадином крупе задом наперед сидел седой как лунь старик, с трудом державшийся за складки кожи несчастного животного. Старик с горечью взирал на двух мужчин, привязанных к лошадиному хвосту, и осенял их крестным знаменем. За странной кавалькадой, пользуясь попустительством охраны, гуртом бежали галдящие дети, забрасывая всю троицу комьями грязи.

Так начинался церковный Собор, созванный, по мнению сведущих лиц, исключительно для суда над почитаемым в народе архимандритом Троице-Сергиевой лавры Дионисием Зобниновским и двумя его ближайшими помощниками. Загадочной оставалась лишь причина расправы над безобидными монахами, потому что в предполагаемую ересь преподобного никто в Москве не верил.

В патриаршей престольной за широким столом, покрытым сиреневым алтабасом²², расшитым золотой волооченой нитью, сидел местоблюститель Патриаршего престола митрополит Крутицкий Иона Архангельский. Отстраненным взглядом белесых старческих глаз взирал он на участников Собора, солидно и неспешно рассаживавшихся по лавкам, стоявшим вдоль стен. Терпеливо дождавшись тишины в престольной, он безучастно произнес сонным голосом:

– Ну что, братья мои во Христе? С миром помолясь, положим мы Собор наш открытым считать!

Услышав одобрителный гул с мест, он кряхтя поднялся с кресла и, повернувшись к иконостасу в красном углу, прочел со всем синклитом «Отче наш», после чего, громко хрустя суставами, уселся обратно.

– Все мы знаем, зачем собрались, – заметил он, между делом разматывая столбец допросных листов, – посему предлагаю лишнего не обсуждать, а сразу звать провинившихся правщиков.

И на этот раз, услышав одобрителные возгласы собравшихся пресвитеров и архиереев, Иона вяло махнул рукой двум здоровым, как платяные сундуки, архидьяконам, стоявшим у дверей. Монахи распахнули двери в переднюю и почти волоком втащили в зал трех сильно избитых мужчин в рваных подрясниках, которые и не думали сопротивляться насилию, чинимому над ними. Первым шел, едва волоча ноги, архимандрит Дионисий, за ним неотступно следовали старец Арсений и священник Иоанн.

Всех троих без лишних церемоний монахи жестко поставили на колени посередине зала, даже не дав им толком помолиться на иконы. В ответ на столь суровое обращение Дионисий только грустно покачал головой. Обернувшись на икону Спаса, он размашисто перекрестился и печально выговорил:

---

¹⁹ Девять часов утра.

²⁰ Миряне, помогающие священнослужителям в алтаре.

²¹ Монах низшей степени пострига, готовящийся к принятию малой схимы.

²² Разновидность парчи.

– Ты, Господи Владыко, все ведаешь; прости меня грешного, ибо я согрешил перед тобою, а не они!

Иона смерил Дионисия бесчувственным взглядом и насмешливо проронил:

– Значит, признаёшь за собой грех, отче? Это хорошо! Кайся, что за беда?

– Беда? Нет никакой беды! С чего ты взял это, Владыко?

Дионисий посмотрел на своих удрученных помощников и ободряюще улыбнулся.

– Господь смиряет меня по делам моим, чтобы не был я горд. Такие беды и напасти – милость Божия! Беда – если придется гореть в геенском огне; да избавит нас от сего Создатель! Митрополит нахмурился.

– Упорствуешь, Дионисий? Ведомо ли, что обвиняешься ты в ереси, заключенной в злонамеренном искажении Святого Писания? Велел ты имя Святой Троицы в книгах марать и Духа Святого не исповедовать, яко огонь есть? Так ли сие?

– Помилуй, Владыко, – всплеснул руками Дионисий и кротким взором окинул Собор, очевидно настроенный к нему враждебно. – В чем ересь моя? В том, что очищал церковные книги от грубых ошибок, которые вкрались от времени? Изучили мы с братьями много старых книг, и, не знаем почему, в Московском служебнике напечатано, что крестят Духом Святым и огнем, ибо нигде более такого нет! Сам евангелист Лука писал, что крестятся Духом Святым, и ничего про огонь! Да и Книга Деяний не определяет, в каком виде снисходит Дух Святой на крещающихся!

После этих слов, сказанных мягким, укоризненным голосом, синклит церковных иерархов загудел, как растревоженный улей, раздались возгласы:

– Еретик... богохульник!

– Заточить в острог... лишить сана!

– На костер его!

Терпеливо дождавшись тишины, Иона обратил свой взор на другого правщика, стоявшего на коленях за спиной Дионисия.

– А ты, старец Арсений, что скажешь?

– А что сказать? – скривил старец в усмешке в кровь разбитые губы. – Не мы взвалили на себя это бремя! Мы лишь несли его! Царь Михаил Федорович, ведая благочестие и ученость архимандрита Дионисия, поручил ему исправить требник! На то у нас и грамота от него имеется!

– Ты об этом? – Иона поднял лежащий на столе столбец. – Царская грамота, – добавил он небрежно, – это не отпущение будущих грехов, а только оценка прошлых заслуг! Собор считает правку требника злоумышленной ересью, которую следует искоренять самым решительным образом.

Иереи, собравшиеся в престольной, дружно загудели, одобрительно кивая головами и оглаживая окладистые бороды. Стало очевидно, что для себя они уже все решили еще до суда.

– Владыко, – развел руками старец Арсений, метнув на собравшихся взгляд, полный пренебрежения, – о возводящих на нас неправду смею сказать, что не знают они ни православия, ни кривославия. Как школяры неразумные, проходят Священное Писание по буквам и не стремятся понимать их смысл!

Старец не успел даже договорить, как патриаршие палаты в очередной раз потрясли вопли горящих праведным гневом служителей Божьих. Возмущению духовных пастырей не было предела. Они кричали, топали ногами, яростно плевали в сторону еретиков и даже порывались прямо с места достать наглецов архиерейскими жезлами! Однако на все душевные переживания и пылкие проявления излишней горячности духовных особ митрополит Иона не обратил ровным счетом никакого внимания. Бесстрастно взирая вокруг себя водянистыми старческими глазами, он спокойно дождался тишины и томным голосом старого банщика спросил у третьего обвиняемого:

– Ну а ты, отец Иоанн, не желаешь исповедоваться в грехах перед церковным Собором?

Отец Иоанн отрицательно покачал головой:

– Владыко! Грешен – каюсь, но ереси нет в моем синодике!

– Так, может, исповедуешься в грехах своих товарищей? Приму как покаяние!

Священник язвительно улыбнулся.

– Полагаю, исповедь в чужих грехах называют доносом?

Митрополит поморщился и вяло погрозил священнику пальцем.

– Не дерзи. Есть что добавить?

– Есть, Владыко! Просьба! В сенях сидят два монаха Троице-Сергиевой лавры. Отец Феона и отец Афанасий. Расспросите их, они подтвердят, что все нападки – это наветы врагов наших.

К удивлению собравшихся, митрополит в очередной раз проявил головокружительную снисходительность к обвиняемым, чем вызвал неприкрытый зубовой скрежет у некоторых членов Собора. Впрочем, опасались они напрасно.

– Спросим, коли настаиваешь! – лениво произнес Иона и, сделав рукой разрешительный жест, глубоко откинулся в кресле, прикрывая глаза от яркого солнечного света, льющегося из настежь распахнутых окон.

Афанасий был явно смущен количеством церковных чиновников высокого звания, забившихся, в общем-то, в небольшое помещение престольной и настороженно взиравших на него. Чего нельзя было сказать об отце Феоне, давно не испытывавшем робости перед высшими сановниками государства. Войдя в помещение, он демонстративно встал на колени перед архимандритом Дионисием и попросил у него благословения, а получив, встал и обратился к митрополиту Ионе, с интересом за ним наблюдавшему:

– Владыко! Негоже так с духовными лицами! Вели их посадить!

– Преступники должны стоять перед судом на коленях! – раздался с места возмущенный голос келаря Троице-Сергиевой лавры, старца Александра Булатникова, являвшегося одним из самых последовательных и жестоких хулителей архимандрита Дионисия.

– Разве вынесен приговор? – осадил его отец Феона, смерив мрачным взглядом, не обещавшим келарю ничего хорошего.

– Смилуйся, Владыко!

Митрополит Иона, слегка распалившись, заерзал на кресле.

– Я помню тебя, чернец! – улыбнулся он в седую бороду. – Всегда был дерзким, и постриг тебя не усмирил!

Он скользнул холодным взглядом на Дионисия и его помощников.

– Посадите их! – кивнул он архидиаконам под неодобрительный гул Собора, после чего с хитрым прищуром посмотрел на отца Феону.

– Думаешь, позвал и буду слушать рассказ о праведной жизни отца Дионисия? Ошибаешься! Спрошу тебя о другом, чернец. Когда патриарх Иерусалимский Феофан приезжал в Лавру, не возлагал ли он клобук свой на голову Дионисия со словами: «Будешь первый в старейшинстве по благословию нашему»?

– Истинная правда, Владыко, благословил с молитвой и целовал в уста...

– Так! – нахмурился Иона, обведя взглядом притихший Собор. – Скажи, чернец, а не велел ли патриарх Феофан петь на обоих клиросах: «Спаси, Христе Боже, отца нашего архимандрита Дионисия»?

– Было сие! – согласно кивнул Феона. – Сказал патриарх братии: «Запишите себе, что совершил я над архимандритом, пусть ведомо будет изволение наше грядущим родам!»

– Значит, ты подтверждаешь предерзостное желание архимандрита Дионисия взойти на Патриарший престол? – торжественно заключил митрополит Крутицкий и, не сдержавшись, удовлетворенно хлопнул ладонью по краю стола.

Феона от негодования едва не потерял дара речи, но быстро взял себя в руки.

– Я такого не говорил! – сдержанно ответил он, не обращая внимания на галдеж собравшихся. – Сие обвинение вызвано клеветой и злобными наветами бесчестных людей!

Митрополит криво усмехнулся в седую бороду и поднял со стола несколько писем.

– Тайные грамоты показать? Смотри вот!

На этот раз ответить митрополиту Феона не успел.

– Всё вранье! – раздался за его спиной полный возмущения голос Афанасия, не сдержавшего переполнявших его чувств. – Доносы – дело рук келаря Алексашки Булатникова, который давно на архимандрита зуб точит.

Афанасий погрозил опешившему от неожиданности келарю огромным крестьянским кулаком.

– Менял, поганец, пустые вотчины на жилые монастырские, на чем и пойман был. Дионисий тогда Алексашку пожалел, не сообщил царю, а келарь отблагодарил его изветом подлым!

– Ты чего брешешь, облом сиволапый? Плетей захотел? – заревел обиженный келарь, вскакивая с места с поднятым над головой посохом, но, рассудительно глядя на увесистые, покрытые редкой рыжей щетиной кулаки инока Афанасия, никаких действий не предпринял.

Даже его верные прислужники, троицкие иноки головщик²³ Лонгин и уставщик²⁴ Филарет, отличавшиеся среди остальной братии особой дерзостью, невежеством и необузданностью нрава, ограничились потоком злобных ругательств в адрес строптивного чернеца. Тем временем Афанасий, не на шутку закусивший удила, успокаиваться тоже не собирался.

– Нечего меня пугать, – грозно рычал он на келаря и его людей. – У меня на голове две росписи от латынянских сабель да в теле шесть свинцовых памяток от мушкетов. Пока вы, пердуны толстобрюхие, на Соловках отсиживались, я на войне кровь проливал!

---

²³ Чин церковнослужителя, возглавлявшего певчих на клиросе.

²⁴ Церковнослужитель, наблюдающий за порядком богослужения по уставу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.